

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТА ПО ДЕЛАМ РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТОВ В ОТНОШЕНИИ ПРОТЕСТАНТСКИХ ОБЩИН БАССР В 40-Е ГГ. XX ВЕКА

Александров А.П., Гареев И.С.

ФГБОУ ВПО Бирский филиал Башкирского государственного университета, (452453, Башкортостан, г. Бирск, ул. Интернациональная, 10), e-mail: alexei.a.p20@rambler.ru, gareevis@mail.ru

В статье рассматривается деятельность Совета по делам религиозных культов при Совете министров СССР в отношении протестантских церквей (евангельские христиане-баптисты) на территории Башкирии в 40-е гг. XX века. Предпосылками возникновения этой структуры были изменения в государственной политике в области религии во время Великой отечественной войны. На основе анализа источников архива уполномоченных СДРК изучены основные формы и методы деятельности. Делается вывод о том, что в своем отношении к протестантским общинам СДРК руководствовался принципами, заложенными в Постановлении ВЦИК «О религиозных объединениях» 1929 года, среди которых: максимальное ограничение миссионерской, благотворительной деятельности церквей, религиозного обучения прихожан; регистрация крупных общин с целью максимального контроля за их деятельностью.

Ключевые слова: протестантизм, баптизм, евангельское христианство, религиозная политика, Советское государство.

THE ACTIVITIES OF THE COUNCIL FOR RELIGIOUS AFFAIRS IN RESPECT OF PROTESTANT COMMUNITIES BASSR IN THE 40S OF THE 20TH CENTURY

Aleksandrov A.P., Gareev I.S.

Birsk branch of Bashkir State University (452453, Bashkortostan, Birsk st. Internatsionalnaya, 10), alexei.a.p20@rambler.ru, gareevis@mail.ru

The article discusses the activities of the Council for Religious Affairs under the Council of Ministers of the USSR in respect of Protestant Churches (Evangelical Baptists) in Bashkiria in the 40th years of the twentieth century. Preconditions of occurrence this structure were changes in government policy in the field of religion during the Great Patriotic War. Basic forms and methods of operation were studied by analyzing the archive sources Commissioners SDRK. It is concluded that, in its relation to the Protestant communities, SDRK was guided by the principles laid down in the Decision of the Central Executive Committee "On Religious Associations" of 1929, among which were the maximum limit missionary, charitable activities of churches, religious teaching congregation, registration the largest communities in order to maximize control over their activities.

Keywords: Protestant, Baptist, evangelical Christianity, the religious policy of the Soviet state.

Специфика региональной истории России в том, что политические процессы в регионах особенно сильно обуславливаются общегосударственными тенденциями. В полной мере это относится к государственно-церковным отношениям. Невозможно понять историю региона, не зная процессов, происходивших в «центре», так как цели, методы вероисповедной политики задумывались именно в столице. Региональные власти были только исполнителями. Поэтому необходимо обозначить некоторые моменты общегосударственной вероисповедной политики.

После практики систематического террора в отношении баптистов 30-х гг. XX века, в середине 40-х гг. политическое руководство меняет линию поведения в отношении религии. В высших партийных кругах СССР произошло осознание того, что так называемые «активные меры» преследования, применявшиеся ранее, не достигают желаемой цели. Они,

во-первых, уменьшают возможность контроля и оценки (церковь уходит в подполье), во-вторых, рождают преклонение перед мучениками веры, в-третьих, весьма не способствуют подъему патриотического духа во время продолжавшейся Великой Отечественной войны, в-четвертых, подрывают имидж страны на международной арене [1]. С целью преодоления негативных эффектов проводится политика легализации церковных структур и создания системы контроля над ними.

Государственным органом, проводником партийной политики, стал созданный в 1944 г. Совет по делам религиозных культов при СНК СССР (СДРК), который курировал неправославные конфессии. Совет возглавлялся председателем, в каждом регионе назначался Уполномоченный СДРК, который обладал большой властью. Деятельность этого органа весьма интересна, а документы, создававшиеся в его структурах, имеют огромную ценность. За десятилетия в его архиве накопился огромный пласт актовых, делопроизводственных и других видов документов. Нами исследованы Информационные отчеты Уполномоченного СДРК по БАССР Каримова М.Ш. за 1944–1962 гг., Инструктивные письма Уполномоченным в регионах с мая 1945 по декабрь 1948 г.; служебная переписка Председателя СДРК с Уполномоченным по БАССР с 1944 по 1963 г. (отдельные документы), касающиеся религиозной политики в отношении общин баптистов и евангельских христиан Башкирии. Ценность этих документов определяется не только содержанием, но и стилем изложения, который во многом дополняет и делает целостной картину отношения партийных органов к баптистам.

Прежде всего, обращает на себя внимание идеологическая основа новой политики. Такой основой стало представление об отношении человека с Богом как об «отправлении религиозной потребности». Это означает, что сущность веры сводится к механическому осуществлению религиозных обрядов. Такое представление появилось, по всей видимости, вследствие необходимости обозначить критерий для определения допустимого в церкви. Такой критерий позволяет совместить две противоречивые задачи: предельно ограничить церковь и одновременно сделать так, чтобы она все-таки существовала. В соответствии с этой задумкой строилась вся вероисповедная политика. Разрешалось только то, что непосредственно касалось процесса «отправления религиозной потребности». Любая деятельность за пределами (оказание материальной помощи, миссионерство, издательская деятельность и т.д.) запрещалась. С точки зрения административного подхода такой критерий был выбран весьма грамотно, так как всегда можно проверить, ссылаясь на вероучение, что является непосредственным осуществлением догмата, а что – нет.

В Инструктивных письмах Председателя СДРК неоднократно встречаются предписания о соблюдении основной линии. В инструктивном письме Каримову М.Ш. №3

от 29.04.1946 г. мы читаем: «Установлено, что одной из форм сектантской пропаганды и вовлечения новых членов в религиозные организации евангельских христиан-баптистов является создание воскресных школ, касс взаимопомощи, особых юношеских и отроческих кружков, организация специальных женских и молодежных молитвенных собраний. Все это ничего общего с религиозной догматикой сектантов не имеет и запрещено советским законодательством. Следовательно, евангельские христиане-баптисты в этих случаях проводят противозаконную деятельность, которая должна быть пресекаема» [9]. Из правоприменительной практики в Башкирии известен факт, когда в 1946 году пресвитеру уфимской церкви ЕХБ Усаченко Д.С. было отказано в просьбе выделить землю под огороды для нетрудоспособных членов общины [4]. Председатель СДРК Полянский по этому факту написал следующее: «Ваши мероприятия, направленные к запрещению организации огородов для членов уфимской общины ЕХБ Совет считает правильными. Впредь вам необходимо через республиканского пресвитера ЕХБ категорически запрещать всякую взаимопомощь, проводимую в общинах» (Письмо от 27.05.1946 г. № 269) [10]. В этом факте обращает на себя внимание приоритет политики советского правительства, когда беззастенчиво пренебрегались интересы людей, причем не самых сильных и не в самое благополучное время. Остается додумывать, какое угнетающее воздействие должно было оказывать на церковь данное требование, так как, во-первых, ответственность за проведение этого явно нехристианского требования возлагалась на старших пресвитеров, призванных учить церковь, во-вторых, христианская церковь по своей природе несет в себе задачу благотворительности. Ради справедливости следует отметить, что частично разрешалась благотворительная помощь вне общин. Так, в 1945 г. пресвитеры общин Уфы и Стерлитамака собрали в пользу сирот и беспризорных детей 2800 руб. [11]. Очевидно, что какое-либо участие церквей в распределении этой помощи было исключено.

Также СДРК ревностно относился к исполнению второй части задачи новой политики: обеспечению функционирования церквей в рамках осуществления догматов. Местные органы управления часто это правило нарушали. Вот как об этом пишет Председатель СДРК: «Совет считает действия городских исполкомов и райсоветов, запрещающих зарегистрированным общинам ЕХБ проводить обряд водного крещения неправильными. Обряд водного крещения в культе ЕХБ является одним из основных догматических принципов, и поэтому попытки в административном порядке запрещать проведение этого обряда, фактически означают искусственное запрещение деятельности названного культа вообще» (Письмо Председателя СДРК Уполномоченному Каримову М.Ш. от 3.08.1950 г.) [6]. Полное запрещение уже доказало свою неэффективность и было не в интересах правительства.

Особо пристальное внимание государственными органами всегда уделялось вопросу приема в церковь новых людей. В их интересах было предельно ограничить «воспроизводство поколений». В Инструктивном письме № 1 от 29.05.1945 г. мы читаем: «Не везде уполномоченные достаточно решительно препятствуют незаконной деятельности общин, заключающейся в организации специальной работы среди детей и молодежи, благотворительной деятельности, устройстве всякого рода угощений для «бедных», оказания материальной помощи, ведения миссионерской работы. Такие проявления должны решительно пресекаться через религиозные центры или путем личного предупреждения руководителей общин» [13].

Использовались два пути для ограничения роста церквей: 1) воспрепятствование контактов членов церквей с посторонними с помощью средств, указанных выше; 2) ограничение крещений уже приближенных. Так как крещение является одним из основных обрядов в христианстве, полностью запретить его было невозможно. Выше отмечалось, что это противоречило бы политике государства. Поэтому оно обставлялось разного рода ограничениями. Была вменена в обязанность подача письменного заявления крещаемыми на имя пресвитера с указанием анкетных данных, которые сразу регистрировались в СДРК. Руководству ВСЕХБ было навязано рекомендовать общинам свести до минимума крещение молодежи с 18 до 25 лет (учащиеся и военнослужащие вообще не допускались), не должны были креститься лица, проживающие в других местах. Так, в 1955 г. Уфимской общине было отказано в приеме следующих лиц: Свистун Л. 1935 г.р., Крапивко А. 1930 г.р., Братиловой О. 1930 г.р. по причине молодости, а также Крицкому И. 1915 г.р., Мальцевой А. 1912 г.р. по причине отдаленности проживания [8].

Еще одно интересное обстоятельство наглядно иллюстрирует цель проводимой политики. Так как евангельские христиане крещение проводят путем полного погружения в воду, обычно в открытом водоеме, это государственным органам всегда доставляло дополнительные трудности. Обряд крещения снабжался соответствующими инструкциями: проводить его в малолюдных местах, рано утром или поздно вечером, ограниченным числом участников, без привлечения внимания окружающих и т.п. Например, в 1946 г. в Уфе было запрещено шествие по центральным улицам в день принятия водного крещения [4]. В кругах СДРК возникла мысль об устройстве внутри баптистских домов специальных баптистериев (бассейнов для крещения), чтобы крещения не доставляли больших хлопот и не привлекали внимания посторонних. Мысль была отклонена, так как оказалась противоречащей другой задаче политики: подконтрольность церкви. Вот как эту мысль пессимистично прокомментировал Председатель СДРК в Письме Уполномоченному Каримову от 3.10.1950 г.: «устройство специальных баптистериев внутри помещений, занимаемых общинами ЕХБ,

в которых может проводиться крещение, требует предварительного всестороннего исследования..., так как при наличии закрытого баптистерия не требуется специального разрешения» [12].

Следующим элементом политики Сталина И.В., призванным обеспечить политический контроль над церквями, была государственная регистрация общин. Сама по себе регистрация означает учет сведений о юридическом лице, придание ему законного статуса. Однако применительно к баптистским общинам она была использована как «кнут и пряник одновременно». Общинам регистрация была представлена как условие для приобретения законного статуса, что дает возможность свободно проводить собрания. Ветеран общины ЕХБ г. Стерлитамака Байдакова Л.К. об этом написала следующее: «дабы не подвергать преследованиям новообращенных, следовало зарегистрироваться» [2]. Речь не шла о простом учете сведений. Сам по себе факт того, что государство, проводившее репрессии, предложило общинам зарегистрироваться для избежания этих репрессий, говорит о подмене понятий. Чтобы прекратить преследования, не нужно регистрировать, нужно прекратить преследования. В действительности же, отношение большевиков к религии осталось тем же, что и в 30-е годы. «Законный статус», предусмотренный регистрацией, был уступкой, тактическим ходом с целью получить контроль над церковью. Таким образом, регистрация больше была нужна государству, чем церкви. Государство, чтобы поощрять церкви регистрироваться, представило ее как благо. Это подтверждают слова Председателя СДРК в Инструктивном письме №1 от 29.05.1945 г.: «Задачей Уполномоченных должны быть активные действия, направленные или к оформлению имеющихся в наличии общин, или к их роспуску. И в том и другом случае инициатива должна принадлежать самим Уполномоченным» [13]. Для осуществления регистрации нередко оказывалось давление на общины: «имеются многочисленные случаи, когда отдельные общины уклоняются от регистрации под разными предлогами. В таких случаях рекомендуется предлагать руководителям уклоняющихся от регистрации общин написать письменное заявление о желании зарегистрироваться. При условии неподачи таких заявлений в обусловленный срок, прекращать деятельность общин» (Инструктивное письмо № 1 от 29.05.1945 г.) [13].

Условия регистрации были весьма жесткими и явно выходили за пределы необходимости простого учета. «Не могут быть зарегистрированы те религиозные общества, численность которых менее двадцати совершеннолетних, не лишенных по суду избирательных прав граждан, а также религиозные общества, не имеющие молитвенных зданий, не имеющие постоянного служителя, обслуживающего религиозные потребности данной общины» (из Письма Председателя СДРК Уполномоченному Каримову М.Ш. От 14.02.1945 г.) [14]. Часто эти условия были трудновыполнимы из-за того, что, например,

многие служители были убиты, либо сидели в тюрьмах, либо отсидели в них. К тому же в баптизме распространены мелкие общины в небольших населенных пунктах.

Всего в Башкирии в то время были зарегистрированы три крупные общины ЕХБ: в Уфе, Стерлитамаке и в деревне Шаровка Белебеевского района. Помимо этих трех легальных общин, существовали многочисленные (около 20) нелегальные группы. Общая численность членов зарегистрированных общин постоянно варьировалась, однако за весь период до начала 90-х гг. не превышала половины от общего числа евангельских христиан-баптистов. Касаемо отношений между зарегистрированными и незарегистрированными общинами, то здесь власти проявляли две линии поведения: 1) Линия на присоединение к крупным общинам мелких групп баптистов, что давало возможность контролировать их через головную зарегистрированную церковь. «В отношении групп и общин, насчитывающих менее двадцати человек, должна быть взята установка на укрупнение этих групп путем возможного их слияния» (Письмо Уполномоченному СДРК при СНК СССР по БАССР Каримову М.Ш. от 14.02.1945 г.) [14]. В 1948 году в состав Стерлитамакской общины ЕХБ вошли группы верующих из деревни Булаш Стерлитамакского района (12 человек), села Мелеуз (14 человек), села «Участок № 12» Стерлитамакского района (10 человек) и крупная группа латышей из села Перький Архангельского района (23 человека) [5]. Подобные присоединения были и к Уфимской общине. 2) Линия на резервацию незарегистрированных общин путем пресечения контактов их с зарегистрированными общинами. Неоднократные попытки зарегистрированных служителей посещать незарегистрированные группы пресекались вплоть до того, что маршруты следования старших пресвитеров по республике предварительно визировались в СДРК.

Выше уже отмечалось, что зарегистрированной могла быть только та община, которая имела своего служителя и свое помещение. Учету служителей и молитвенных зданий уделялось особое внимание. Служитель церкви с позиции СДРК – это руководитель, который полностью отвечает за положение дел в общине. Влияние осуществлялось главным образом через него. Такое представление было частью общесоюзной стратегии в отношении евангельских христиан. Напомним, что в 1944 г. в Москве были воссозданы церковные структуры баптистов в лице иерархически организованного объединённого Всесоюзного Совета Евангельских христиан и баптистов (ВСЕХБ). Руководящим органом объединения стал не как прежде регулярно созываемый Съезд представителей всех церквей, а немногочисленный Совет Союза. Такая система управления сделала реальной управляемость всего объединения церквей через немногочисленное руководство. Очевидно, что контролировать легче два десятка человек, ответственных друг перед другом, чем две тысячи пресвитеров, ответственных перед своими общинами. Руководство ВСЕХБ оставалось

постоянным 19 лет с 1944 по 1963 г. [3]. В общих чертах структура ВСЕХБ была следующей: Совет Союза – старший пресвитер-пресвитер общины. Каждое нижестоящее звено подотчетно вышестоящему.

Пресвитер того времени был сильно подвержен влиянию со стороны: во-первых, несмотря на то, что он избирался общиной, окончательно он утверждался Председателем СДРК в Москве; во-вторых, пресвитер подлежал регистрации и был прикреплен к общине (не мог посещать и проповедовать в других общинах). В Инструктивном письме № 1 от 29.05.1945 г. мы читаем: «нельзя допускать таких явлений, когда имеется община без служителя культа или служитель культа, не прикрепленный к определенной общине» [15]. Байдакова Л.К., описывая тот момент, когда в церкви Стерлитамака в 1945 г. стоял вопрос о выборе пресвитера, дала весьма точную оценку того, что значило быть пресвитером церкви ЕХБ: «потребовался человек, не состоявший на государственной службе, так как он именовался “служителем культа”. Занять этот презренный в глазах мира пост добровольцев не оказалось. Один боялся лишиться имущества, другой – испортить биографию детям... После многих раздумий, молитв и бесед решено было возложить обязанности Председателя общины на Кузьму Григорьевича [Шардакова]» [2].

Зарегистрированная община обладала ограниченными правами юридического лица. В первую очередь это касалось общинного имущества. «Зарегистрированным религиозным обществам предоставляются ограниченные права юридического лица, а именно: а) приобретать транспортные средства с правом владения и пользования ими; в) арендовать, а также строить и покупать строение в собственность для нужд органов религиозного культа. Приобретение строений другими способами, как например, путем пожертвования или завещания, не разрешается. Право собственности распространяется только на построенные или купленные здания, предназначенные для всех других нужд религиозных обществ, кроме специально молитвенных. Здания же, построенные и купленные для молитвенных целей, не являются собственностью обществ, а переходят в национализированный фонд» (Постановление СНК СССР. Цит. по: Письмо Совета при Совмине СССР от 17.04.1946 г.) [16]. Фактически, это означало, что церковь не имела права распоряжаться купленным или построенным домом, и он мог быть в любое время отобран. Из истории баптизма в Башкирии такие случаи неизвестны.

Таким образом, мы видим, что в 40-е гг. XX века в СССР сложилась отличная от 30-х годов система подавления религии. Появилась она после того, как правительство пришло к выводу, что гораздо эффективнее с церковью бороться методами непрямого насилия. Простой анализ вышеизложенных методов показывает суть политики: склонить церковь к компромиссу в вопросе верности принципам ее существования. Это касалось всех сторон

жизни церкви: избрание пасторов, руководство церковью, ученичество, принятие новых членов, миссионерство и т.д. Неверные основы жизни церкви более всего способны нанести ей ущерб.

Список литературы

1. Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. – М., 1991. – С.332.
2. Байдакова Л.К. История Церкви ЕХБ г. Стерлитамака. Рукопись. Архив автора. – С.12.
3. Савинский С.Н. История евангельских христиан-баптистов Украины, России и Белоруссии (1917–1967). – СПб., 2001. – С.191.
4. Сергеев Ю.Н. Баптизм в Башкирии: очерки истории (конец XIX–XX вв.). – Уфа: Изд-во Башк. гос. ун-та, 1998. – С.31.
5. Сергеев Ю.Н. Баптизм в Башкирии: очерки истории (конец XIX–XX вв.). – Уфа: Изд-во Башк. гос. ун-та, 1998. – С.34.
6. Центральный исторический архив Республики Башкортостан. Ф.4732. Оп.1. Д.6. Л.16.
7. Центральный исторический архив Республики Башкортостан. Ф.4732. Оп.1. Д.1. Л.11.
8. Центральный исторический архив Республики Башкортостан. Ф.4732. Оп.1. Д.10. Л.28.
9. Центральный исторический архив Республики Башкортостан. Ф.4732. Оп.1. Д.2 Л.9.
10. Центральный исторический архив Республики Башкортостан. Ф.4732. Оп.1. Д.2. Л.21.
11. Центральный исторический архив Республики Башкортостан. Ф.4732. Оп.1. Д.2. Л.96.
12. Центральный исторический архив Республики Башкортостан. Ф.4732. Оп.1. Д.6. Л.25.
13. Центральный исторический архив Республики Башкортостан. Ф.4732. Оп.1. Д.2. Л.11.
14. Центральный исторический архив Республики Башкортостан. Ф.4732. Оп.1. Д.2. Л.6.
15. Центральный исторический архив Республики Башкортостан. Ф.4732. Оп.1. Д.1. Л.1.
16. Центральный исторический архив Республики Башкортостан. Ф.4732. Оп.1. Д.2. Л.5.

Рецензенты:

Касимов С.Ф., д.и.н., гл. научный сотрудник Института этнологических исследований им. Р.Т. Кузеева УНЦ РАН, г. Уфа;

Садиков Р.Р., д.и.н., ведущий научный сотрудник отдела этнографии Института этнологических исследований УНЦ РАН, г. Уфа.